

5. Лихачев, Д. С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – М. : Современник, 1987. – 299 с.
6. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Репринт. изд. – Париж, 1937; Киев : Путь к истине, 1991. – 600 с.
7. Бердяев, Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев; вступ. ст. А. А. Ермичева. – Л. : Лениздат, 1991. – 399 с.

Поступила в редакцию 26.03.2020

В. Н. Усокый

ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье исследуется анархо-либертарианское мировоззрение, построенное на идее техногенного прогресса, из которого вытекают футуристические представления, предложившие образ виртуальной (имитационной) реальности в рыночной экономике. Ставя под сомнение необходимость иерархии общества и права исключительного суверенитета государства, анархо-либертарианство, игнорируя факты, создает виртуальную реальность альтернативного будущего, драйвером которого является развитие информационно-коммуникативных технологий. Автором доказывается тезис о том, что методология футуризма и модель виртуальной реальности в рыночной экономике являются внутренне противоречивыми.

Специалисты IT-сферы ментально примыкают к анархо-либертарианской традиции. Они стоят в авангарде процесса формирования цифровой среды в рыночной экономике, ими создана криптовалюта, которая является антиподом кредитных денег и банковской системы. Они воспринимают экономику и общество через смысловой и терминологический аппарат сферы информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Техногенное мировоззрение при отрицании иерархии общества и государства придает эмпирической действительности признаки виртуальной (имитационной) реальности, которая стремится к доминированию над экономической жизнью. Рассмотрение человеческого социума через призму *виртуального сознания* определяется живостью игрового воображения *цифрового человека* информационной эпохи вооруженного ИКТ. Это расширяет его возможности в сфере конструирования виртуальной реальности, имеющей признаки компьютерной игры, толкает цифрового человека к выходу за пределы эмпирической действительности в *неиерархический мир инобытийной инаковости*.

Терминологический аппарат сферы ИКТ оказал влияние на введение множества новых слов – аналоговая и цифровая экономика, экспоненциальный рост технологий и экономики, экспоненциальное мышление, криптовалюта. Они теснят традиционные термины – рыночная экономика, бизнес-цикл, кредитные деньги, банковская система, налоги и расходы госбюджета. К сожалению, многие новые слова, которые начали применять в экономике (например, экспоненциальный рост технологий и экономики, а в теории

познания – экспоненциальное мышление) не являются строгими понятиями, так как их содержание новаторы не могут определить в рамках научной традиции. Смутное содержание этих слов относит их к категории туманных образов, с помощью которых адекватное понимание общества и экономики оказывается невозможным.

Проблема усугубляется еще и тем, что IT-специалисты, не подозревая того, затронули глубинные пласты экономических и философских смыслов, стоящих за явлениями общественной жизни. Фундаментальные вопросы общества (экономики) и теории познания они интерпретируют в терминах своей техногенной специальности, предмет которой в принципе не содержит гуманитарной составляющей, так как в ней нет человека, экономики и общества. Без ясного определения содержания понятий, которые IT-специалисты из сферы ИКТ стали механистически переносить в экономику и теорию познания, невозможно научное понимание тенденций развития современной рыночной экономики. Эти тенденции должны быть корректно определены в системе экономических и философских категорий науки. Гегель передал последующим поколениям ученых основную интенцию европейского рационального мышления «Понять – это значит отразить в понятии». Смутные представления IT-специалистов не являются точным знанием, так как оно должно быть воплощено в ясных научных понятиях. Амбивалентное сознание анархо-либертарианцев отражается в самодостаточных туманных представлениях IT-специалистов, которые употребляют некорректные определения, что закономерно ведет к подмене понятий и игре слов. Произвольное оперирование IT-специалистами экономическими образами вместо выработки четких обществоведческих и экономических понятий вносит сумятицу в сознание людей.

Механистическая редукция обществоведческих и экономических смыслов к техническим терминам создает такие условные допущения, которые ставят под сомнение фундаментальные основы развития рыночной экономики и объективные законы развития общества. Происходит произвольная подмена объективных механизмов функционирования рыночной экономики неадекватными представлениями IT-специалистов о характере новых тенденций, открывающих новое виртуальное цифровое будущее, которое, как они утверждают, уже наступило. Надуманное очередным поколением техногенных прогрессистов *линейное представление о природе человека* пытаются вставить во вновь открытые ими законы Новой экономики. Прогрессисты деформируют природу человека, создавая образ цифрового человека, который обладает совершенной информацией, а его мышление способно принимать рациональные решения, достигая высоких экономических результатов. Например, Г. Греф утверждает, что около 2015 г. произошло открытие последнего поколения IT, что привело к возникновению феномена экспоненциального роста технологий и экономики.

Мышление человека, которое накопило за 4 тысячелетия развития цивилизации значительный опыт познания разнообразных сложных объектов, футуристические новаторы (Р. Курцвейл, Г. Греф и др.) объявляют линейным и неспособным экспоненциально мыслить развитие будущего. Для

разрешения этой проблемы введено понятие *аналогового человека индустриального общества*, противопоставляемый *цифровому человеку будущего*, который должен эволюционно возникнуть.

В Программе развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 г. в пункте 4.1. Полная оцифровка экономики можно прочитать: «Сквозное проникновение технологий во все отрасли экономики, как в качестве цифровых (нематериальных) активов в форме новых бизнес-моделей, так и в форме промышленного Интернета вещей обуславливает формирование больших массивов экономически значимых отраслевых и межотраслевых данных. Равно сквозное проникновение технологий в социальную сферу – в форме технологий связи и коммуникаций и Интернета вещей, когда практически каждый предмет быта и окружающего человека мира оказывается подключен к глобальному цифровому пространству формирует предпосылки для использования соответствующих данных для оценки и прогнозирования экономического развития. Таким образом, по мере того как люди, бизнес и оборудование становятся все более тесно связанными в формате единого цифрового пространства, цифровизация предлагает широкие возможности для новых моделей принятий решений, оказываясь основой текущих глобальных экономических и социальных преобразований, которые меняют модели бизнеса и потребления, модели оказания социальных услуг и экономической деятельности населения. Потенциал цифровизации предоставлять данные для принятия информированных решений создает предпосылки для возникновения конкурентных преимуществ государств, а также бизнеса как на национальном, так и на мировом уровнях.

Однако для того чтобы данные приобрели ценность и стали новой производительной силой, дающей конкурентные преимущества, необходимы системы их обработки с целью анализа, завязывания в системы (графы) и построения прогнозных моделей. Развитие подобных технологий должно идти опережающими темпами. При этом на первом этапе для качественного скачка в росте экономики достаточно такого объема оцифрованных данных, при котором каждый следующий набор данных приводит к экспоненциальному росту эффектов. Первостепенная и базовая задача оцифровки экономики – формирование необходимой инфраструктуры для оцифровки» [1].

Экспоненциальный рост экономики происходит тогда, когда скорость роста экономики пропорциональна значению предыдущей величины. Примером экспоненциального роста в экономике стала гипотеза Мальтуса о темпах роста населения в геометрической прогрессии (умножая – 2, 4, 8, 16, 32...) по сравнению с производством продуктов питания в арифметической прогрессии (прибавляя – 2, 4, 6, 8...). Однако эта модель является чистым предположением Мальтуса, которое не имеет статистического подтверждения.

Вторым примером может служить капитализация процентов, т.е. прибавление процентов к сумме вклада, что позволяет в дальнейшем начислять проценты на проценты. Формула сложных процентов, начисляемых на сумму основного долга, является примером отдельных явлений в кредитной экономике. Банковский договор о платежах сложных процентов – это жесткий

инструмент давления на должника, взявшего обязательство перед кредитором. Банк-кредитор предлагает заемщику обслуживать ссуду по формуле сложных процентов, так как оценка рисков невозвращения средств по ссуде является чрезвычайно высокой. Поэтому банк-кредитор ставит под жесткий контроль исполнение обязательств должника, что совершенно не значит, что предполагается экспоненциальный рост его бизнеса. Банк имеет право списания средств со счета неуспешного клиента, которые были получены по другим доходным направлениям его бизнеса.

Предположение об *экспоненциальном росте* экономики является футуристическим продуктом техногенного мышления авторов Программы. Действительно ли он существует в экономике – это необходимо эмпирически подтвердить и теоретически доказать. При специфических условиях развития рынка возникают эффекты экспоненциального роста доходов и капитализации некоторых фирм, которые используют прорывные технологии. Особенно это показательно для агрегаторов (Uber, AirBnB и т.д.) в платформенной модели построения их бизнеса. Агрегаторы используют механизм экономии издержек, переваливая их на горизонтальные отношения «производитель – покупатель», добиваясь высокой капитализации в относительно небольшой период времени. ИКТ, примененные в платформенной модели бизнеса, являются ведущими факторами при наличии еще и других факторов, которые также вносят вклад в конечный результат роста экономических параметров фирмы. Экспоненциальный рост доходов и капитализации отдельных агрегаторов платформ не тождественен росту доходов во всей экономике. Только через циклические изменения доходов множества фирм можно оценить совокупную динамику национальной экономики. Прирост доходов в отдельных успешных частях экономики существует параллельно с падением доходов в неуспешных отраслях. Например, успех отрасли персональных ЭВМ происходил на фоне спада в отрасли печатных машинок. В целом яблоке могут быть несъедобные и подгнившие части. Природа рыночного цикла не принимается во внимание в произвольных предположениях футуристов.

Гипотеза об экспоненциальном росте технологий и экономики – естественный продукт прогрессистского мышления и близка к содержанию классической гипотезы совершенного знания (*perfect knowledge*). Последняя заключается в том, что экономический человек является всеведущим, ему доступна вся экономическая информация, поэтому он способен принимать рациональные решения на рынке, что делает рынок саморегулирующимся с помощью механизмов спроса и предложения. *Гипотеза совершенного знания* является естественным следствием механистического мышления о симметричном рынке, где существует равновесное состояние спроса и предложения при гибких ценах. Предполагается, что рациональные замыслы реализуются в рациональных действиях людей, что приводит их к искомому результату. Здесь механистически отождествляются деятельность субъектов рынка, действующих по рациональному плану и достигнутые ими результаты. Однако эта гипотеза противоречит природе бизнес-цикла и закономерностям общего кризиса перепроизводства.

Гипотеза совершенного знания элиминирует человеческие ошибки, игнорирует систему спонтанно возникающих и непредсказуемых рыночных рисков, ведущих к массовым банкротствам фирм и вынужденной безработице. Плодом техногенного мышления авторов Программы является необоснованный футуристический тезис о том, что «на первом этапе для качественного скачка в росте экономики достаточно такого объема оцифрованных данных, при котором каждый следующий набор данных приводит к *экспоненциальному росту эффектов*» [1]. Не приводя никаких аргументов, нам предлагают поверить в бездоказательное утверждение. Сами по себе оцифрованные данные – это лишь один из факторов функционирования экономики, объем которых пока ни о чем не говорит.

Экономическая наука в своих изысканиях использует теорию познания в рамках своего предмета, который определен как совокупность эмпирических фактов. Исследуя факты, ученые выводят экономические законы поведения людей. Подобная последовательность применения аналитических инструментов познания внутренне присущих экономической науке диаметрально противоположна футуризму. Футуристические представления Р. Курцвейла и его сторонников построены не на анализе эмпирических фактов, а на произвольных гипотезах, из которых сознание футурологов ментально продуцирует динамику *экспоненциального роста эффектов в экономике*, не имеющих эмпирического подтверждения. Футуризм исключает теорию познания, исходя из принципов которой, наука не обладает инструментами предсказания будущего, так как гипотетические предположения не исследуют прошлые и текущие факты экономики.

Упрек, бросаемый футуристами человеку в линейности его мышления, подразумевает игнорирование фактов, которые мешают мыслить экспоненциально. Будущее не является совокупностью фактов настоящего. Пока это не более чем множество вероятностных предположений о возможных комбинациях тех факторов, которых сейчас либо нет, либо они находятся в зачаточном состоянии. Экономическая наука не занимается осмыслением действий экономических агентов в сослагательном наклонении, так как такой чистый мыслительный объект не содержит фактов действительности. Наука не может судить о том, что свершится в будущем, так как оно науке не доступно. Постановка вопроса: «А что же будет, если произойдут следующие события, как например...?» повисает в воздухе. Мишель Нострадамус повторил слова апостола Павла: «Я вижу будущее как будто через мутное стекло, гадательно». Однако в «Программе» упоминается программно-прогностическая модель управления экономикой, которая ведет к футуристической подмене фактов гипотетическими предположениями, о том возможном будущем, в котором вдруг начнут совершаться некие действия, представленные в воображении прогнозистов. Следствие футуристических гипотез авторов Программы – экспоненциальный рост экономики, что эмпирический опыт не подтверждает. Введенная гипотеза является бездоказательной.

Предположение об экспоненциальном росте цифровой экономики породило гипотезу об экспоненциальном мышлении, которое противопоставляется линейному мышлению. Экспоненциальное мышление – это миф придуманный футурологами. Теории экспоненциального мышления не существует, так как человек мыслит объект действительности, стремясь познать сущность, скрытую в фактах, он не может мыслить отсутствие факта и несуществующую сущность, которые, возможно, когда-нибудь появятся. В истории философии никто и никогда не разрабатывал теории экспоненциального мышления. Человек мыслит бытие фактов и смыслы, стоящие за ними, он не может мыслить небытие, к чему призывают футурологи. Экспоненциальный рост оцифрованных данных, собираемых в информационных системах, не тождественен экспоненциальному росту экономики, так как данные – это всего лишь один из многих экономических факторов.

Анархо-либерализм смыкается с футуризмом, находя общее в использовании концепции виртуальной реальности для описания трендов в настоящем и предсказания тенденций *экспоненциально растущего будущего*. Утверждается, что экономика должна строиться на чисто горизонтальных отношениях субъектов (P2P) при отрицании роли государства и иерархии общества. Идеалом будущего представляется *цифровое упрощение природы человека* и формирование принципиально новой структуры самоуправляющегося общества, которое построено их спонтанном порядке действий свободных индивидов вне иерархии. Динамика развития экономической системы в рамках идеологии техногенного прогресса редуцируется к механистическому представлению об экспоненциальном росте технологий и экономики. В этой футуристической модели наличествуют исключительно гипотетические допущения.

Игнорируются эмпирические факты и исторический опыт того, что рыночной экономике внутренне присущи деструктивные кризисные тенденции, которые создают конфигурацию бизнес-цикла. Пересмотру оказались подвергнуты фундаментальные категории рыночной экономики, которые раскрывают содержание асимметрии спроса и предложения, что порождает неустойчивость циклической динамики рынка. Удар наносится по традиционным понятиям, сложившимся за два века развития капитализма. К ним относятся циклическая динамика рыночной экономики, кризис и его стадии, государственное регулирование экономики, финансовые и торговые посредники, банковская система, кредитные деньги, налоги и расходы госбюджета.

Нам предлагают поверить в то, что будущее уже наступило, так как появились законы Новой экономики, в которой перестают действовать объективные рыночные зависимости. Утверждается, что капитализация технологических компаний (Uber, Tesla) определяется отнюдь не регулярностью получения ими прибыли на капитал. Более того, постулируется, что их ежегодные убытки в долгосрочном периоде времени не создают для них существенных проблем. Утверждается, что вместо законов микроэкономики фирмы в Новой экономике будто бы начали действовать новые, не известные в Старой экономике, тенденции. Предполагается, что спрос инвесторов

на акции, формирующий тренд растущей капитализации технологических компаний, важнее, нежели их долгосрочные убытки. Утверждается, что убытки не столь уж важны для инновационных фирм новой технологической эры, так как посредством экспансии они увеличивают свою долю рынка, вытесняя конкурентов. Постулируется, что возникли новые структуры рынка (patterns), породившие платформенную модель бизнеса технологических компаний, которая носит универсальный характер. Утверждается, что она применима в любой отрасли экономики, а ее воплощение в действительность ведет к вытеснению так называемых *аналоговой экономики* и *аналогового человека*.

Если собственники убыточных технологических компаний, надеясь на долгосрочный эффект увеличения доли рынка посредством вытеснения конкурентов, готовы финансировать их убыточные проекты, это отнюдь не означает, что тем самым опровергаются законы рыночной экономики. Модель экономики фирмы должна доказать свою успешность на отраслевом рынке, где критерием жизнеспособности является прибыль в долгосрочном периоде.

Подобные механистические представления прогрессистов уже высказывались в период бешеного роста цен на акции интернет-фирм в 1995–2000 гг. вплоть до схлопывания в 2000–2002 гг. раздутого фондового пузыря. В истории экономики этот феномен получил название *кризиса доткомов* (англ. *dot.com*). Тогда адепты электронного бизнеса также утверждали, что прибыльность акций интернет-фирм, подверженных растущему спросу на фондовом рынке, не обязательно должна соответствовать долгосрочной рентабельности продаж их продукции. В период бума доткомов текущая рентабельность их операций была значительно ниже растущих цен на акции интернет-фирм, а зачастую находилась в зоне убыточности.

Сейчас адепты Новой экономики утверждают то, что будто бы уже возникла экономика будущего, опровергающая теорию микроэкономики фирмы и объективные законы рынка, согласно которым рыночная ценность фирмы определяется величиной прибыли заработанных за счет оплаты покупателями товаров и услуг на рынках. Высокий спрос инвесторов на акции технологических компаний, который ведет к росту их капитализации, выставляется на первое место. Утверждается, что именно эта тенденция определяет перспективы развития технологических компаний. Однако для адекватной оценки развития микроэкономики фирмы следует взвесить два ее состояния. С одной стороны, фирма имеет прибыль или убыток, что зависит от интенсивности спроса клиентов на ее продукцию, а с другой стороны, есть спрос инвесторов на акции фирмы на фондовом рынке. Необходимо четко разграничивать продажи товаров от продажи акций фирмы, так как это не одно и то же. Смещение понятий ведет к их подмене, а затем к грубой ошибке. В этом своеобразном дуализме функционирования микроэкономики фирмы (клиенты, покупающие продукцию компании versus инвесторов, финансирующих ее развитие через покупку акций) сторонники Новой экономики делают свой выбор в пользу последних.

По нашему мнению, необходимо учитывать оба показателя развития микроэкономики фирмы. Их нельзя смешивать. Взвешенный подход позволит сформулировать научную оценку результатов ее деятельности. Например, ежегодные убытки в течение 10 лет, которые финансируют венчурные собственники Uber, означают не создание добавленной ценности, а наоборот, ее уничтожение. Это свидетельствует только о том, что бизнес-модель Uber не является устойчивой, так как не ведет к созданию устойчивого источника добавленной ценности. Энтузиасты уберизации, поставив под сомнение традиционные источники создания добавленной ценности в рыночной экономике, фирмы которой живут по законам бизнес-цикла, в течение долгосрочного периода времени не смогли предложить жизнеспособную бизнес-модель развития Uber.

Футуризм ввел в дискуссию модели виртуальной экономики и оказался не способным их обосновать в рамках научной методологии. В центр радикальной точки зрения о «цифровой экономике» было поставлено предельно усеченное отношение «производитель – потребитель». При этом из рыночной экономики произвольно изгоняются субъекты торгового и финансового посредничества, а также иерархическая система государственного регулирования экономики. Обоснованием этому служит бездоказательное утверждение, что субъекты торгового и финансового посредничества и иерархическая система государственного регулирования экономики как структурные элементы экономики – это отживающий (нисходящий) тренд. Футуристы утверждают, что саморегулирование напрямую сотрудничающих друг с другом людей в Новой «экономике сотрудничества» и «sharing economy» («экономике совместного потребления» – не владеть, а пользоваться; долевая экономика), использующих криптовалюты – это восходящий прогрессивный тренд.

С помощью гипостазирования техногенного фактора (ИКТ) производится ампутация фундаментальных основ развития общества и рыночной экономики. За нигилистическим отрицанием объективных законов рыночной экономики стоит футуристическое представление IT-специалистов о бесконечных экспоненциальных возможностях цифровых технологий, автоматизм действия которых должен исключить государство и иерархию общества, сведя экономику к предельной простоте спонтанных горизонтальных отношений «производитель – потребитель». Проводится мысль о том, что в условиях экспоненциального технического прогресса, ведущего к снижению издержек на производство продукции, ее радикальное удешевление создает широкую доступность потребительских благ для потребителей. Экспоненциально растущее производство будет становиться все более производительным, а люди начнут вытесняться роботами. В таких условиях не производство, а потребление превратится в двигатель экономики. Предполагается, что экспоненциально растущая экономика будет требовать все меньше работников, а это приведет к тому, что для всех людей рано или поздно исчезнет императив обязательного труда, так как их заменят роботы. Перестает работать производственный принцип обязательности трудовых усилий человека: от каждого по способностям, каждому по труду. Исчезнет старая экономика,

базирующаяся на производстве людей, поэтому начнет действовать коммунистический принцип «каждому по потребностям». Экономика производства вытесняется экономикой потребления. Вместо производства как силы экономического созидания создается система потребительского общества, в которой человек превращается в «квалифицированного потребителя».

В основу гипотезы футуристов об экономике положена методологическая идеализация – Робинзонада, которая в рамках информационной эпохи обосновывает эгоцентризм одинокого человека. Предполагается, что основной проблемой будущего общества станет определение того, чем будут заниматься люди, вытесненные из производства роботами. Необходимость в труде отпадает, люди переключаются на досуг, в котором будут преобладать занятия компьютерными играми и коммуникации в виртуальных сетях.

Сейчас в богатых странах активно обсуждается вопрос о так называемом *гарантированном базовом гражданском доходе*. Он представляет собой замену льгот системой пожизненного содержания граждан, которые станут получать специфическое пособие без обязанности трудиться при утрате постоянной занятости. Техногенная экономика превращает гражданина в потребителя, что означает фундаментальную деформацию ценностей и природы человека, а также смысла экономической деятельности человека и жизни в обществе. Ведь экономика античного полиса служила воспитанию достойного гражданина города, а средневековая экономика была нацелена на воспитание христианина. Переворачивание смыслов, которое мы наблюдаем воочию, означает естественный этап развития экономики массового потребления и его субъекта – массового человека. Усиливается тенденция к тотальной цифровизации природы человека.

Произвольные конструкции анархо-либертарианства построены на непонимании природы человека, деформации человеческих ценностей, отрицании иерархии общества и роли государства в регулировании экономики. При этом игнорируется то, что назначение экономики состоит в создании условий для воспроизводства достойного гражданина своего Отечества. Строится искусственная техногенная реальность *виртуального пространства*, где действует цифровой человек, вооруженный ИКТ, которому не нужны отживающие элементы старой экономики: иерархия общества, государство, система торговых и финансовых посредников, кредитные деньги, налоги и расходы госбюджета.

Система неразрешимых противоречий сетевой пиринговой одноранговой модели, исключаящей иерархию общества, которую придумали IT-специалисты, обусловлена спецификой их мировоззрения, а также способом организации их мышления. Это логично воплощается в основном продукте их деятельности – виртуальной реальности. Проблемы их *расколотого игрового сознания* порождаются непониманием ими *природы человека*, истории становления рыночных институтов и роли государства в этом процессе. Сознание IT-специалистов порождает экзотические представления о сущности ценности, генезисе кредитных денег и банков, истории возникновения бюджетно-финансовой системы, роли налогов и расходов государства в про-

цессе развития общества. Без корректного прояснения этих фундаментальных понятий невозможно научное понимание фундаментальных основ рынка, которые недоступны для «чистого техногенного сознания», не принимающего сложную природу человека, живущего в иерархии общества.

Природа человека и иерархия общества влияют на генезис и исторический процесс становления рынка, ценности и кредитных денег, являющихся ключевыми институтами конкурентной рыночной экономики. Использование ИКТ в рыночной экономике оказывает неоднозначные последствия на цифровизацию бизнеса, что воздействует на формирование целей, мотивов и интересов поведения субъектов, принимающих решения в условиях неопределенности и асимметричности информации на рынках. Рыночные отношения между контрагентами строятся на *принципе информационной асимметрии*, что объективно ставит субъектов перед проблемой *неблагоприятного выбора* (adverse selection). Д. Канеману (род. 1934) была присуждена Нобелевская премия по экономике в 2002 г. за доказательство того, что люди не могут рационально оценить ни уровень ожидаемых выгод или потерь, а в ряде случаев ни их вероятности наступления. Данная теория исходит из интуиции о *сложной природе человека*, что ставит под сомнение концепцию *экономического человека*. Футуризм не создал научной методологии мышления, поэтому, вводя в оборот множество новых понятий для определения виртуальной реальности, он оказался не в состоянии ее научно осмыслить.

Эмпирический опыт использования ИКТ в рыночной экономике опровергает утопизм нежизнеспособной модели футуризма, что убедительно показал в своих работах Дон Тапскотт. Использование ИКТ в футуристической борьбе против посредников и иерархических структур, являющихся фундаментальными элементами рыночной экономики, объективно породило появление новых информационных посредников (Google, Facebook, Uber, AirBnB, Amazon, Alibaba). Они, обладая правом собственности на капитал, создали новые модели наращивания добавленной ценности, выжимая в своих коммерческих интересах максимальные выгоды от применения ИКТ в рыночной экономике.

Змея не может откусить свой собственный хвост. Такова объективная реальность, о которой свидетельствует опыт сорокалетнего применения ИКТ в рыночной экономике. Прагматизм неизбежно выигрывает в рыночной схватке за ИКТ у футуризма, который пытается штурмовать небо (криптовалюты), вместо того, чтобы твердо стоять на земле (цифровой банк О. Тинькова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 г. – 2017 г. – Режим доступа : <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf>. – Дата доступа : 10.03.2020.

Поступила в редакцию 20.03.2020